

Ну, а как тут всё начинается? Поезд из Москвы в Петербург. В купе с Анной (*актриса Мария Смольникова*) графиня Вронская, возбуждённо и залившись смеем, рассказывает про глупы у маленького сына и как она лечи-

Каренин с дрелью в Год театра

Театр или палата №6?

ла их много лет назад. Достойная тема для представившегося знакомства... При резком торможении вагонов сверкающими фейерверками из чемованов выстреливают интимные предметы женского туалета. Лифчики?! Пошло и совсем не смешно... На перроне, как и следует ожидать, пожалуй, самый знаменитый в русской классической литературе ловелас – флигель-адъютант Русской императорской армии Алексей Вронский (*Виктор Хориняк*). И это тот самый классический офицер, высоко-ленный и безупречный во всём своём великосветском блеске граф, которого блистательно сыграл в фильме Василий Лановой? Как этому безликому маленькому сынку, похожему на самого Крымова, удалось покорить сердце очаровательной замужней женщины? Однако, знакомство состоялось, куда денешься... И вот она в Москве, Анна – пленительная толстовская героиня:

– Я – Анна Каренина. Я от Толстого, Льва Николаевича, как понимаете. Это он создал меня, я перед вами, такая как есть, и вот уж полтора столетия живу собственной жизнью, свободной и не зависимой от его несравненного пера. Кто он теперь для меня... Вы знаете, у меня есть муж. У меня замечательный муж! Ну, просто замечательный! Ну, такой замечательный! Ну, невозможно – какой замечательный! Он никогда не отдыхает. У нас в доме идеальный порядок. Сейчас я расскажу вам про него одну исключительную особенность, не поверите, но я-то знаю. У него все трусы – подписанные. Да-да, подписанные! Ну, вы же знаете – в месяце четыре недели. Так вот на них и написано: первая неделя, вторая неделя, третья

неделя, четвёртая неделя. И носит он их строго по надписи. Я сама вышивала! Вот. Вот такой он у меня.

Да не у неё – у Крымова, который до-рвался до больших театров и творит с классикой что хочет, но это уродование святынь безумно нравится нынешней театральной критике, вызывает у неё восторг, схожий с тем сладострастием, которое испытывает ребёнок, ломая игрушку или видя её изуродованной на свалке. Вот критикесса пишет с вывертами о «Серёже»: «С языка слетает желание обозначить жанр спектакля как «электрика», но это было бы слишком просто и примитивно, скорее «русский фьюжн». Здесь много эпатирующего стилистического миксования, резких остановок, тормозящих и расфокусирующих зрительское внимание. Вот Анна везёт в подарок сыну Серёже квадрокоптер, а в следующей сцене уже есть отсыл к образу Марии Стюарт и гильотине. Каренин с дрелью в руке весьма похож и на дуэлянта с пистолетом, и на вашего хозяйственного мужа, а высокий трагизм его объяснения с женой резко разбавляет итальянская романтическая песня, выжимая из зрителя пошлое мелодраматическое сопереживание, как в индийском кино».

А была бы классическая постановка в духе самого Толстого – о чём писать? Тома написаны...

За классику решили взяться и в театре на Малой Бронной, который возглавил свежеспечённый новобранчий Константин Богомолов. Он на недавнем открытии сезона обещает новое прочтение и классики, и русской историографии. Так, 20 ноября на Малой сцене в Театре на Малой Бронной режиссёр Кирилл Вытоптов, который решил потоптаться на жемчужине древней литературы, представит «Слово о полку Игореве». Он успел сообщить журналистам, что «Слово...» представен не в хрестоматийном виде, а будет соединено с темой охранников – большой российской альтернативной армии. В

качестве драматурга приглашена для адаптации Саша Денисова, которая не так давно окончила филологический факультет Киевского университета имени Шевченко – рассадник русофобии. Надо что-нибудь добавлять? Над спектаклем работали художник по костюмам Нана Абдрашитова – жена Кирилла и

потом вдруг начал на ходу фантазировать: «Хотя почему же не прочесть его хрестоматийно? Так, чтобы была пыль! Мы забываем о том, что папа убил двух своих сыновей и не пожалел об этом. Меня это зацепило, как и пара страниц антисемитского текста у Гоголя. Я решил с этим разобраться. Там с такой сладостью описан еврейский погром!». Ну, понятно, что Богомолов поддержал: «Только новой энергией этот текст можно взять», поверхностно заметив, что

«Тёмные аллеи» поставит Владислав Наставшев. Выслушав рассказы коллеги о радикальном препарировании классики, он решил всех переплюнуть и обнародовал свой замысел, который оказался самым радикальным и не «народосберегающим»: «Я поставлю спектакль про воспоминания. «Тёмные аллеи» написаны в начале 1940-х годов и пронизаны апокалиптическими настроениями. Они – о стране, которой уже не было. Что-то похожее

дочь знаменитого кинорежиссера Вадима Абдрашитова. Все свои замыслы и потуги – критике не подлежат.

Обещана ещё свистопляска, связанная с Александром Молочниковым и его «Тарасом Бульбой». Режиссёр сначала сказал, что у него будет не совсем хрестоматийное прочтение текста Гоголя, а

в нем есть «исследование украинской реальности». Какой такой украинской? Гоголь писал повесть о казацкой вольности и русской силе, которую не может ничто на свете пересилить, но Богомоловы с молочниковыми – постараются...

Наконец, для «сбережения народа», как велел Солженицын, бунинские

происходит и сейчас. Секс и чувственность теряют актуальность. Люди все меньше им отдаются. О сексуальных отношениях скоро будут вспоминать только по праздникам, отдавая дань традициям, причем пожилые люди. Молодежь забудет, что это такое. Люди забудут, что такое природа, животные,

и мы будем вспоминать, что такое прикосновение руки и шум дождя».

Даже новобранчий опешил от подобной трактовки: «Какая здесь крутая молодая команда!». Увы, и не только здесь! От театра имени Маяковского, которым руководит, как и Вахтанговским, литовский режиссёр – художественный руководитель Миндаугас Карбаускис, до прославленного театра «Современник», который по традиции открывает сезон в день рождения его основателя – Олега Ефремова 1 октября, – ни одной современной постановки русского автора. В декабре, в канун Нового года, сам Миндаугас поставит со студентами спектакль «Йокнапатофа» по роману Уильяма Фолкнера «Когда я умираю» – новую версию своей старой постановки. Ну и «Современник» открыл сезон спектаклем Галины Волчек «Три товарища»: премьера «Трёх товарищей» также прошла 1 октября, но ровно 20 лет назад. Впервые после долгого перерыва сбор труппы проходил в отремонтированном здании. Основной сцены театра на Чистых прудах, а что обновилось в репертуарной политике?

Первой премьерой, намеченной на конец января, станет спектакль основной сцены – Евгений Арьё поставит «Папу» французского драматурга Флориана Зеллера. Вторую премьеру сыграют почти одновременно с первой – в феврале 2020 года на Другой сцене спектакль «Крум» по Ханоху Левину выступит Андрей Маник. Наконец, третья заявленная премьера пройдёт во второй половине марта на основной сцене – спектакль «Иностранка» по прозе Довлатова выпустит Айдар Заббаров. Всё! Представьте: если бы в Москве остался один театр Олега Ефремова – мы бы всё равно знали, чем живёт страна, что волнует меня и моего современника, а если оставить только театр превознесённой Галины Волчек? Ау, «какое, милые, у нас тысячелетие на дворе»? Ведь и превозносимый Довлатов – целиком из прошлого: «Он пил как лошады и нарывался на историю... Он портил перо х...ней в газетках» – злобно написал о нем Михаил Беллер, но в зависти своей – скорее прав. Ныне как раз испорченные перья и соответствующие режиссёры ценятся – даже в Год театра.

Александр БОБРОВ

(Начало – стр. 1)

– Ку-ка-ре-ку!
– По-моему, я толком не проснулся, – говорю Александру. – Чудится, что петух кричит.
– Не чудится. Он в сарае с инструментами сидит.

– Из Урдомы привезли?

– Не знаю. Наверное...
Поднимаемся на гору щебня. Дежурные, которых мы сменяем, отдают нам бинокль, фонарь и радио.

– Всё спокойно?

– Вроде бы да.

Отсюда, сверху, хорошо виден и пост «Ленинград» с его флагами, палатками и сарайками – и предполагаемая территория мусорного полигона. Она наполовину залита водой. Сбоку, освещённая по периметру прожекторами, на бетонных плитах разместились база ЧОП: складские и хозяйственные блоки, двухэтажный жилой блок, грузовые автомашины. В пучках прожекторов различаю чёрные фигуры.

«Звёздные войны». Планета Шиес. Повстанцы против имперских штурмовиков. Только штурмовики не в белом, а в чёрном.

– В мае здесь жарко было, – говорит Александр. – Что творилось! Настоящая «горячая точка». Да и в июне тоже... Тогда и меня задержали. Вон, смотри – вон там стычка была! Я сейчас думаю, что спровоцировали людей всё-таки. Тут нервы крепкие надо иметь. Чопики что хотят, то и творят. А полиция... Говоришь ему: «А если тебе стрелять прикажут?». А он, знаешь, что в ответ? – «А мне пофиг!». Пофиг им, понимаешь? Вот и весь разговор. Да какой тут разговор... Люди говорят: «Полигона не будет!». А им говорят: «Полигон будет!». Что людям остаётся делать?

«А в самом деле – что? – думаю я. – Сопротивляться? – экстремизм. Смириться? – унижаться. Пожалуй, остаётся именно вот это, именно то, что люди сейчас и делают: стоять. Стоять лицом к лицу с незваными гостями, вставая ногами в родную землю. Становясь ею...».

Мимо с грохотом проносится длинный товарный поезд, электровоз несколько раз швыряет в окружающую тьму протяжный гудок. Я откидываю капюшон и подставляю лицо холодному дождевым каплям. Не спать...

Нас сменяют в шесть часов утра, минута в минуту. Забираемся обратно в тёплую – ох! – даже слишком тёплую палатку.

– Насовали брикетов в печку, организмы! – ругается Александр.

Отпрувившись через пару часов, умывшись и отпавившись в столовую, узнаём, что из Урдомы вот-вот должен прибыть «Зырянин» с грузом бензина и продовольствия.

Пьём кофе. Оживает рация:

– Пост «Гора» вызывает «Ленинград».

– «Ленинград» на связи.

– К вам направляются двое сотрудников полиции.

– «Ленинград» понял, спасибо.

Все невозмутимо продолжают прихлёбывать кофе. Потом женщина, строго напоминавшая вчера о законе «Ленинграда», выходит из столовой. Мы выходим вслед за нею. Полицейские вяло расспрашивают о чём-то (о ком-то). И удаляются. «С Дону выдачи нет», – напоминает мне.

– Пост «Костёр» вызывает «Ленинград».

– «Ленинград» на связи.

– «Зырянин» на подходе к вам.

– Принято.

Отправляемся вдоль железнодорожной насыпи туда, где вчера выгружались из вездехода. С собой забираем мешки с мусором. После ночного дождя сапоги ещё глубже, чем накануне, вязнут в грязи. Двое мужчин волокут по уходящему из-под ног болотному кочкарнику тапки. В тапки сгружаем из «Зырянника» канистры с бензином. Продукты – в рюкзаки. Рулон нетканки намотан на длинную жердь, которую поднимают на плечи два человека. И – потопали...

Сотрудники ЧОП исправно снимают нашу растянувшуюся вдоль железнодорожного полотна процессию на видеокамеры. Мы молча проходим мимо них.

Разгружаем продукты: частично на склад, частично на кухню. На кухне обеденные хлопоты в самом разгаре. Позже, за обедом обсуждаем свежую новость: на станции неожиданно остановился товарный состав. Слово «неожи-

данно» здесь не любят – оно не к добру. Вскоре появляются с подробностями «мэтр интернета» Оксана:

– С поезда сошли двое сотрудников транспортной полиции.

– Зачем?

– А кто их знает! К чоповскому переезду пошли.

– К незаконному? Так они что же, получают, за нас?

– Все против нас, – мрачно звучит у меня из-за спины.

– Да нет, тут дело такое... Надо бы разобраться, что у них на уме.

– Баши у них у всех на уме.

– Бама никто не видел?

– Кого?

– Собоку, которую в Мадмассе подобрали.

– Бама?

– Ну да, куда Бим подался?

– На станцию ушёл.

– Сдаваться?

– Вот ведь чёрное ухо...

– Задержат как подозреваемого...

– А может инфоцентр пошёл обоссать?

– Не исключено...

Палатка информационного центра стоит на базе ЧОП неподалёку от станционного здания. Я слышан, что внутри информационного центра размещены информационные материалы, информирующие о позитивности проекта, который сторонники называют экотехнопарком, а противники свалкой московского мусора. Информационный центр появился после майских и июньских столкновений на Шиесе, когда считалось, что вот-вот на происходящееотреагирует Путин. Может, даже появится здесь. Путин не появился, появилась палатка информационного центра.

Дождь, прекратившийся было, вновь принимается поливать раскисшую землю. Под ногами всё разъезжается, скользит.

Несколько человек с рюкзаками подходят к столовой попопаться с остающимися. Им покажут руки:

– Привет Нижнему Новгороду, ребята!

– Вы из Нижнего? – спрашиваю я.

– Оттуда.

– Я у вас был на Рождество. Красивый город. Только с жильём забавно получилось.

– А что?

– Прочитал в интернете рекламу хостела: «Из окон вид на Кремль, 500 метров до центра». А оказалось – пятьсот – только почти по вертикали.

– Это где?

– Почайна.

– А. Почайнский овраг! В хорошей физической форме нужно быть, чтобы наверх топать... Хостел-то хоть нормальный?

– Нормальный. И Кремль из окон действительно видно. Он внушительный у вас... гордый такой...

– Ещё бы не гордый! Ни разу за всю историю никому не сдавали! А ведь в 16 веке три раза штурмовали!

– «Зырянин» ждёт! – торопят нижегородцев. Они уходят. Я смотрю на флаги – вот он, флаг Нижнего Новгорода – красный олень на белом фоне.

И флаг Архангельска – неподалёку от него.

– Мужчины! Воды надо принести!

Цепочка людей направляется в сторону леса. Я присоединяюсь к ним.

– А понесём-то в чём? – спрашиваю Александра.

– На посту «Баня» пятилитровки.

– Баня?

– Ну, а как без бани? Оборудовали.

Добравшись до леса, выходим на довольно широкую дорогу. Широко – по местным меркам. Берёзы и ели тесно смыкаются вокруг.

– Видишь? – показывает Александр мне на обломки вагончика, притиснутые к одному из деревьев.

– Это тот самый – когда экскаватором...

– Тот самый. Тогда людей здесь здорово обозлили, конечно. А люди сами ещё и виноваты, вроде как, оказались.

«Нормальный человек под экскаватор не полезет!» – вспоминаю я реплику в интернете. И ответную реплику: «В Великую Отечественную были ненормальные, которые и под танки бросались...».

Подходим к небольшой речушке: вода тёмно-бурая, торфяная. Рядом пятилитровые ёмкости – некоторые пустые, некоторые за-

ПОЛЕМИКА

полненные бурой водой. Разбираем пустые бутылки, здороваемся с мужчиной, вышедшим из постройки, название для которой трудно подобрать. Не удивлюсь, если появится слово «шлесовка». Мужчина во «вьетнамках», даже смотреть на его почти босые ноги холодно.

– Здесь постричься можно, – говорит Александр. – Ну, если небольшое. А баня – вон. Сначала походная была, а сейчас уже всё основательно.

К бане ведёт дорожка, сооружённая из досок и брёвнышек. Но мы проходим правее и ступаем на тропинку, ведущую вдоль берега речушки. Неровная тропинка словно пытается стряхнуть с себя людей: ноги задевают о корни, съезжают то в одну сторону, то в другую. Потом начинается более ровный участок, но и более вязкий. Местами уложены жерди, местами просто приходится тщательно «цепиться»

ногами в кочки, чтобы не провалиться по колено. Или глубже? Проверять не хочется.

– Болот, они говорят, здесь нет, – ворчит один из идущих впереди меня мужчин. – Как же, нет... Прямо парк Горького...

Дерева растут, высокие заросли пожелтевшей травы. Я вижу развалины двухэтажного здания из силикатного кирпича. Вероятно, именно здесь находился посёлок лесозаготовителей Шиес.

Как же быстро природа вернула себе свою территорию!

Проходим мимо здания, от которого осталась, по сути, одна стена, да груда кирпичей вокруг. Что это было? Администрация? Пожарная часть? Дом культуры? Что бы ни было – всё в прошлом.

Пост, открывшийся нашим глазам, встречает нас надписью: «Брестская крепость. Мы не уйдём!». Красные буквы на белом полотнище смотрятся так, словно кто-то сорвал белый флаг и вытряхнул из него всю капитулянтскую сущность. Между палатками и навесами проложены дорожки из кирпичей. Там, где они сходятся, табличка с надписью «Площадь Революции».

Приветствуем дежурных, которых предстоит сменить: они из Твери.

– Как у вас тут? Чопики не беспокоили?

– Бродят...

Крутлый бетонный колодец закрыт аккуратной самодельной деревянной крышкой. На ней надпись: «Открывать нежно!». Используя ведро и воронку, наполняем бутылки и пускаемся в обратный путь.

Тверички, которых на посту сменили архангелогородцы, идут вместе с нами. Проходим мимо столба с указателями расстояний от Шиеса до разных городов. На ходу читаю надписи на дощечках, потемневших от дождей. Бросается в глаза яркая наклейка на столбе: «Нет московскому мусору на севере!».

С бутылками воды в руках нащупывать ногами кочки ещё сложнее. И на неровной, скользкой, петляющей тропинке за деревья рукой уже не придержишься: сохранять равновесие удаётся с большим трудом. Наконец, выходим на дорогу.

– «Технической» воды прихватите, – говорит мужчина во «вьетнамках».

На берегу речушки к жерди привязан кусок нетканки с надписью «Джек Даниэлс». Я с недоумением смотрю на эту совершенно инородную здесь надпись, потом догадываюсь, что кто-то пошутил по поводу цвета торфяной воды.

Шутки шутками, а закон «Ленинграда» соблюдается неукоснительно. Ни одного пьяного или похмельного, ни капли спиртного. Трезвость без всяких пропагандистских кампаний. «Веселие Руси есть питьё»? Допустим. Но тут не до веселья. У меня мелькает мысль: власти были бы счастливы, если бы активисты накачались водкой. Нет. Приходится иметь дело с трезвыми людьми.

Оставив питьевую и «техническую» воду у кухни, присаживаемся под навесом вокруг потухшего костра. Здесь девушка и юноша из Польши (я уже знаю, что их зовут Моника и Анджей) разговаривают с урдоманами.

– А у вас в Польше такой беспредел бывает?

– Но – да... Бывает... Но у нас это скандал, пресса... все возмущаются... Так Беловежская пуца было, когда там хотели стройка...

– Беловежская пуца в Белоруссии!

– На граница Белоруссии и Польша. Под-ляское воеводство у нас. Там хотели, чтобы стройка дорогих домов. Но это – пресса, сразу скандал... Невозможно стройка...

Александр принимается разжигать костёр. Бумага прогорает быстро, сырые дрова не схватываются.

– Бересту бы...

– У нас тут какой только прессы не приез-жало, – с горечью говорит пожилой мужчина в камуфляже. – И всё без толку...

– Но строительство – оно сейчас нет?

– Сейчас нет, а завтра да. Бензовозы вон не зря протасили. И всё рассказывает, как нам хорошо будет с этой свалкой...

– У нас в Урдоме, – вступает в разговор жен-щина, которую я постоянно вижу хлопочущей на кухне, – чужих никогда не было. И тут вот эти – в масках. Как будто прямо в дом к тебе вломились.

– Так и есть, – говорит пожилой мужчина. – И никакой управы на них не найти. Полиция вон ходит, их защищает. Их, а не нас. И в судах нас судят, а не их.

«Все против нас», – вспоминаю я. Все про-тив простых людей. Всё сделано здесь для того, чтобы эти люди разуверились во власти.

И поверили в себя.

– Я так понимаю, – говорит Александр, – Урдома вся против свалки? И отступать не собирается?

– А куда нам отступать – со своей земли? Под землю если только...

– А Яренск как?

– Серединка на половинку. Там бюджетни-ков много, а они – люди подневольные. Что в Архангельске-то слышно? Вроде хотят при-знать всё это полигонное хозяйство самоволь-ной постройки?

– Да, в Арбитражном суде. Но это долго мо-жет тянуться.

– Ужикать будете? – доброжелательно спра-шивает нас подошедший к костру невысокий, приземистый мужчина.

– Да!

– Дак ведь печки-то сами не растопятся! – так же доброжелательно напоминает мужчина и удаляется.

После того, как печки растоплены и ужин приготовлен, принимаемся составлять график дежурств. Наше с Александром вчерашнее время на посту «Гора» – с четырёх до шести утра – уже занято. Записываемся на дежур-ство с двух до четырёх.

– Время-то сонное, – предупреждаю я Александра.

– А мне вахту во всякое время стоять при-ходилось...

– Посуду не забываем мыть за собой! – Ило-на как всегда строга. – Кто чашки днём грязные оставил? На кухне и без того работы хватает, ещё чашки за нами мыть?!

Оксана вносит в столовую большую картон-ную коробку.

– Из Красноробского района, – сообща-ет она. – Днём привезли. Сейчас давай-те вскрыем, да отправим в Краснобрск видео, что всё в порядке, всё получили. Кто тут у нас ближе всех?

Ближе всех я. Беру нож, вскрываю коробку, достаю оттуда продукты и медикаменты. Окса-на снимает всё появляющееся из коробки на телефон. Машет рукой в камеру:

– Красноборцам спасибо!

– Лекарства, надеюсь, не понадобятся...

– Ну, мало ли что... А вот на экзобескочку в Котласе – у них там целая палатка для сбора продуктов – сегодня пришла свадьба и принес-ла бутылку шампанского. С ней что делать?

– Пригодится за победу выпить!

Никто не откликается на мою необдуман-но брошенную фразу. Скорой победы здесь не ждуг.

Но в победу верят.

Второе ночное дежурство даётся мне тя-желее, чем первое. Несмотря на дождь, всё время клонит в сон. Поневолё позавидеу-шь Александру, который бодр, как днём. Отгибая рукав дождевика, рукав свитера смотрю на часы – ещё только половина третьего. Лучи прожекторов прорезают дождевую завесу, фи-гуры в чёрном неспешно перемещаются между блоками базы.

«А если стрелять прикажут?» – «А мне пофиг!».

Не спать, не спать!

Фигуры в чёрном, начиная перемещаться чуть активнее, сбиваются в кучку неподалёку от станционного здания.

– Куда это они пошли?

– У них ведь тоже дежурство. Сменяются сей-час. Там вон курилка – туда и пошли, наверное.

«Курилка», – думаю я. – Они курят. Едят.

Пьют. Разговаривают. Смеются. По приказу. Нет. По приказу они не смеются. По приказу они стреляют...».

– Тяжко что-то, – говорю я. – Спать хочется.

– Присяд